## OB AKTEPE "MONDHOM" II "NEZKOM"

- Трудный актер!

Так охарактеризовал когда-то Иллариона Николаевича Певцова один на видных русских режиссеров Было это в период их совместной работы в Московском драматическом театре

Да— трудный актер... И в этом величайшая похвала покойному. Он был «трудный» актер. Актер упорной, эпределенной, сосредоточенной воли. Актер боровшийся за каждый «вершок своего искусства». Актер, бравший роль из глубины. Стронвший сценическое ее обрамление от корней. Начиная с грима. И кончая интонационным расунком. Все было выношено. Все было пронизано характерным глубоким певцовским взглядом. Откуда-то из-под несколько нахмуревных, уходивших в подлобье больших умных глаз.

Таким был Певцов и в жизни. «Трудный». Даже когда улыбался, смеялся. Чувствовалось, что в этом грузном сосредоточенном человеке и смех и улыбка полконтрольны. Они — думают. Они — трудны. Они не впустую. Не потому что просто весело А весело, потому что...

Несколько лет назад я встретил Иллариона Николаевича в Крыму. За шел к нему.

— Как живем? — Да, ничего!

И в этом «ничего» крылась упорная певцовская воля. Я видел Певпова больным. Было это ясно во всем его облике. Осунулся. Вагляд ушел кудато еще глубже. Но и тут этот «трулный» человек не котел сдаваться:

- Ничего! Жить становилось все интереснее и интереснее. Слава, почести, призна ние. Заслуженный. Потом — народ ный. Певцов оживал морально, но увы, уже уходил физически. И только тот большой творческий покой которым был окружен закат его жиз. ни в советских условиях, увлечение рядом последних ролей, вплоть до Бородина в афиногеновском «Страхе», консула Берника в «Столпах общества» Ибсена, пушкинского Бориса, сыграть которого помещала смерть, жажда работы для современности, для нового зрителя - вот что поддерживало надломленный ор-

от природы. Она щедро наградила их. Им все дается легко. Сумма счастливых данных легко приспособляется к роли. Часто это очень и очень хорошие актеры. Большие. умные актеры. Но отсутствие «трудности» обычно лишает их образы той глубины, той вдумчивой обработки, как у актера типа Невцова. «Легкий» актер не **УХОДИТ** ОТ СЕБЯ ОН ИГРАЕТ СЕБЯ, УМЕЯ в то же время дать и нужное разнообразие. Таким большим, очень талантливым и ярким актером, но актером «легким», был, например, тоже недавно умерший Басов в театре им. Вахтангова. Он итрал, как пел. «Пел» свободно, легко, своим драматическим

Певцов никогда не был таким «счастливцем». Начинал он в 90-х годах прошлого века в Вильне. Вильна была тогда одним из значительнейших провинциальных театральных центров наряду с Харьковом, Киевом Казанью, Ростовом-на-Дону. Играла тогда в Вильне труппа К. Н. Незлобина, позже перебравшегося в Москву и создавшего здесь интересное театральное дело. И вот в это время из Вильны выходят несколько очень видных вноследствии актеров. В труппе Незлобина начинал скромный, но уже тогда обращавший на себя внимание студент петербургского университета Шверубович-ныне ни более ни менее как Качалов из Художественного театра. Несколько старше Шверубовича-Качалова был тоже еще совсем молодой виленец Казимир Бравичпозже очень крупный актер театра Комиссаржевской, московского Малого театря и Художественного, где его работу прервала преждевременная смерть. Тут же из скромного виленского предместья потянулся к театру очень талантливый Смоляков - бессмысленно прожегший свою жизнь и рано сгоревший И наконец, - Певпов. Он еще не был тогда актером. И казалось, ничто, кроме страсти к театру, не предвещало в нем актера.

Начался «трудный» путь. Предстоя дию», в числе актеров этой студни был и Певцов. Дальше идут годы провинциальной работы в крупных биографии рассказывает, как он из

Вильны добрался до Москвы. До Филармонии. До самого Немировича-Данченко. Как Немирович-Данченко сначало изумился желанию стать актером при таком органическом дефекте.

— A вот увидите! — сквозь слезы умолял молодой Певцов.

И действительно, на экзамене он, — можно себе представить с каким «трудом», — прочел гладко и внятно монолог из Байрона

Несомненно от этой органической особенности Певцова, от этого «трудно» слагалась в значительной мере и творческая индивидуальность Певцова, научившегося прежде всего владеть собой, покорять себя в угоду образу, в угоду его внешней и внутренней характерности.

-«o»-

В даровании Певцова было что-то жестокое, мучительное, порой надрывное. Формировался он в период, когда неврастенизм был в моде на сцене. Когда сценический «модерн» буржуазного театра ценил амилуа «неврастеников» (было такое!). Когда Сологуб призывал к театру «мистерий и литургий», где «всякое наше слово подсказано и даже давно предвидено в демоническом творческом плане всемирной игры», а Андрей Белый утверждал символический театр. где «образы — эмблематическая роспись переживаний, не более» Забираясь далеко вглубь образа, на самое дно его, Певцов познавательной силой художника открывал все противоречия такого упадочнического индивидуализма, всю рафинированную гниль всех этих «мистерий и литургий». Весь общественно-моральный распад буржуазного «декаданса».

Еще учеником Филармонии он примыкает к мололому кружку мололого Мейерхольда — «Товариществу новой драмы» Товарищество играло на юге России, экспериментируя в плайе преололения натурализма. Когда в 1905 г. Станиславский приходит на помощь исканиям Мейерхольда и вместе с ним организует «Тевтр-студию», в числе актеров этой студии был в Невцов. Дальше идут годы провинциальной работы в крунных антрепризах Собольщикова-Самари-

Есть актеры «легкие». Счастливцы Вильны добрался до Москвы. До Фи- на, Синельникова и др. Накаплива-

В годы империалистической войны, —1915, 1916—Певцов, уже актером с репутацией, снова в Москве. В Московском драматическом театре, организованном покойным Марджановым. умевшим найти «мецената» для этого весьма крупчого по размяху дела.

Певцова скоро и здесь выдвигают на первое место. На репертуаре театра появилась довольно-таки ничтожная. но по тем временам нравившаяся пубчке пьеса Урванцева «Вера Мирцева», с подзаголовком — «Уголовное дело». Жена некоего адвоката Жегина убивает своего мужа, чтобы уйти к любовнику. У адвоката Жегина был друг Пабяржин. который делает пелью своей жизни раскрытие убийцы. Но когда оказывается, что убила Жегина его собственная жена. Пабяржин начинает переживать праму, запутавшись в противоречиях между дружбой к покойному и тем «бесчестием», которым может пасть на память его такой «скандал», как женаубийца. В смысле ролей этот «Гамлет» для бедных был сделан ловко Выигрышная роль самой мужеубийпы-играла ее Полевицкая. Но успех спектакля решал все же Певцов в роли Пабяржина Озлобленного неудачника, споткнувшегося даже на единственной своей «удаче», - раскрытии убийства друга, - он сыграл с потрясающей силой. Весь смрад этого «угодовного дела», вся «мирцевщина», опутанная фарисейской паутиной «чести мужа», «святости семьи» и пр. дали возможность Певцову в роли Па. бяржина создать потрясающей силы образ. Пустая «Вера Мирцева» превращалась в «трудной» интерпретании Певцова в трагеляю. Такой же успех выпал благодаря Певцову и на новую пьесу Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины». Фигура бедного клоуна Тота выросла до таких же трагических обобщений. как и Пабяржин, подняв довольно жидкую философию Леонида Андреева на высоту большой социальнопсихологической проблемы. К этому же периоду относится и роль «Павла I» в одноименной пьесе Мережковского.

Самое «трудное» оставалось теперь позади. Актерское имя было завоевано.

Сам Певцов в разговорах чувствовал себя всегда близким к системе Станиславского, но когда ему пришлось работать в Художественном театре, говорил. что ему там «не coвсем удобно». И здесь сказывался все тот же «трудный» актер, идущий своей тропой от особенности своего психилогически-творческого «я», от каких-то своих индивидуально-глубинных обобщений, не всегда тождественных строгому плану и экспозиции спектакля Художественного театра. В этом смысле значительно больше по душе Певцову оказался Ленинградский б. Александринский театр, менее строгий, дававший больше простору его несколько громозлкому, подчас хмурому и злому, но драматически необыкновенно сильному темпераменту. Достаточно вспомнить такие фоли, как мольеровский Тартюф или Неизвестный в «Маскараде» Лермонтова.

Певцов жил в сценическом образе. В маске роли он находил то острое, то своеобразное, что уводило его от себя и преображало. Поэтому Певпов терялся на эстрале. Терялся как чтец. Той открытой театральности, театральности без грима, которая составляет удел актера «легкого», ему недоставило Он был, если хотите, актем «тижелого дыхания», актем «прицуренного глаза», умевший в рисунке и ритме роли преображать их в большее дыхание и острый глаз. Трудно ли это? Да, очень трудно!

Вот почему тот режиссер, о котором я говорил в начале статьи, и называл Певцова:

— Трудный актер!

Да, трудный! Потому что он не укладывался в трафарет «любовника», «фата», «героя», а искал всегда той скрытой глубокой психологической правды, той мучительной трагедийной нотки, которой часто актеры и режиссеры «легкие» не видели и не слышали за упрощенной арифметикой традиционного спенического амплуа.

эм. БЕСКИН

Уполн. Главлита В-81646.

Типография газеты «За индустриализацию». Москва, Цветной бульвар, 30.

Cob wer NS 3-4/1-34